

МУХАММАД
НАДЖАТИ
СИДКИ

Воспоминания¹

ИММИГРАЦИЯ И ИМПОРТ ПРИНЦИПОВ

Еврейская иммиграция в Палестину принесла с собой обычаи, идеи и социальные нормы, чуждые палестинскому арабскому обществу. Тогда, то есть в начале 1920-х, мы услышали о большевизме, анархизме, Марксе, Ленине, Троцком и Герцле². Мы стали узнавать о рабочих движениями, действовавших среди еврейских иммигрантов. Это были организации вроде «Гистадрута»³, «Фракции», которая являлась левой оппозицией в «Гистадруте», и партии «Поалей Цион»⁴ («Рабочие Сиона»). Мы также узнали о кибуцах – кооперативных полусоциалистических лагерях для еврейских трудящихся, недавно прибывших в страну.

Рабочие-евреи, склонявшиеся влево, стали вести пропаганду среди арабов. Первой акцией, которую они провели на улицах Яфы⁵, была первомайская демонстрация 1921 года. Тогда

- 1** Перевод фрагментов книги выполнен по: *Sidqī M. N. Mudhakkirāt Najātī Sidqī*. Beirut, 2001. Р. 16–22, 25–26, 29–30, 38–39, 46–47, 83–90, 154–157, 164–165. Здесь и далее – примечания переводчика.
- 2** Теодор Герцль (1860–1904) – австро-венгерский журналист, один из основателей и идеологов сионистского движения.
- 3** «Гистадрут» – федерация еврейских профсоюзов, основанная в 1920 году.
- 4** «Поалей Цион» – сионистская партия с марксистским уклоном, действовавшая в 1900–1928 годах в Восточной Европе и Палестине.
- 5** Ныне Яффо – часть муниципалитета Тель-Авив – Яффо в Израиле.

АРХИВ «Н3»

они подняли красные флаги в районе аль-Маншие⁶ и выкрикивали лозунги на иврите и арабском. Арабские жители молча смотрели на них в изумлении, не понимая ни слова, не зная, чего хотят эти демонстранты.

Некоторые сознательные арабы говорили: «Это большевики из России. На них повлияла большевистская революция, и они хотят распространить ее среди арабов». Другие говорили: «Это красные сионисты, они объявили революцию против арабов, и мы должны ответить контрреволюцией». И первое арабское восстание в Палестине случилось в Яфе в 1921 году.

В среде еврейских мигрантов левое рабочее движение представляла партия «Поалей Цион», призывающая основать еврейское социалистическое государство в Палестине, не признавая при этом арабов. Ведь с их точки зрения, арабы – народ социально отсталый – дальше других народов от принятия социалистического учения. Партия полагала, что решение арабской проблемы в Палестине возможно лишь путем ассимиляции, через унификацию и межнациональное смешивание... и пройдет немногого времени, как арабы растворятся в горниле еврейского социалистического государства.

В партии появилось оппозиционные течения – зародыш коммунистического движения в Палестине. Они хотели основать социалистическое государство в Палестине на обломках английского империализма и сионистской буржуазии. Корамило в этом государстве должно было быть в руках рабочих-евреев, поскольку они лучше осознают классовую борьбу. Что же до арабов, то они продолжат свое отдельное существование и нет нужды сливать их с еврейским народом. [Пускай лучше] рабочие этого [арабского] народа и его крестьяне работают над освобождением от класса «эфендиев»⁷ при поддержке своих еврейских коллег, пропитанных революционными социалистическими идеями, которые они привезли с собой из России и Восточной Европы.

В то время русские большевики считали, что идеи этой оппозиции в значительной степени совпадали с их собственной программой, и поддержали ее деньгами и наставлениями... В 1923 году оппозиция попросила принять ее в Коммунистический Интернационал. [...]

- 6 Район на северной окраине Яфы, ближайший к Тель-Авиву. Аль-Маншие сильно пострадал в ходе столкновений, которые начались после принятия резолюции ООН о разделе Палестины (1947). К концу апреля 1948 года большинство жителей Яфы покинули город. Район аль-Маншие был снесен в 1948-м, впоследствии на его месте разбили парк и променад; сохранилась лишь мечеть Хасан-бек (RADAI I. *Palestinians in Jerusalem and Jaffa, 1948*. London; New York, 2016).
- 7 В данном случае имеется в виду городская верхушка палестинского общества тех лет. Слово «эфенди» образовано от турецкого обращения *efendi* (господин). Однако в странах вроде Ирака и Египта этим словом тогда обозначали представителей средних слоев городского населения, получивших западное образование (EPPEL M. *Note about the Term Effendiyya in the History of the Middle East* // International Journal of Middle Eastern Studies. 2009. № 41. P. 525–539).

МУХАММАД НАДЖАТИ
СИДКИ
ВОСПОМИНАНИЯ

Мухаммад Наджати Сидки (1905–1979) – палестинский писатель, журналист и переводчик. На рубеже 1920–1930-х входил в состав ЦК Палестинской коммунистической партии. В 1931–1932 годах был в заключении, а после освобождения по линии Коминтерна работал в СССР, Франции, Испании (во время гражданской войны), а также в Алжире, Сирии и Ливане. В конце 1930-х исключен из партии. После создания Израиля жил в иорданском Восточном Иерусалиме, впоследствии переехал в Бейрут. Последние годы жизни провел в Афинах.

Я тогда был юношой, работавшим в управлении почты и телеграфа в Иерусалиме. Оно находилось в старом здании итальянского консульства, напротив сегодняшнего банка «Barclays», то возле черты, разделявшей арабские и еврейские районы за стенами [Старого города].

В управлении почты работали и арабы, и евреи, там встречались представители и других национальностей и конфессий. [...] Можно было услышать все языки, увидеть людей в самой разной и причудливо перемешанной одежде. Например, порой доводилось встретить еврейскую девушку в гетрах и с арабской куфией на голове, или еврейского парня в одежде из бараньей кожи... или же англичанина в огромном шлеме, призванном вселять ужас в души населения... или крестьянина в абае и сапогах, оставленных британской армией...

Мы облюбовали небольшое кафе, расположенное за нынешним «Barclays». Заведением владел русский еврей, грузный и высокий. Он носил белые штаны и черную рубашку с разрезом и пуговицами у левого плеча. Летом он брился налысо, чтобы спастись от жары. У него была округлая борода и усы, завитые на русский манер... У него работала симпатичная молодая полька со светлыми волосами, бледно-розовой кожей и голубыми глазами... В этом кафе мы собирались каждый день после обеда и знакомились со вновь прибывшими иностранцами. Среди них можно было встретить и белобородого монархиста, рассказывавшего, что он был капитаном русского военного корабля, позже конфискованного большевиками в Одессе, и молодого человека, работавшего в муниципалитете [Иерусалима], чей отец был русским, а мать – арабкой, и художника, рисовавшего людей за гроши, и элегантную госпожу, которая рассказывала о своих имениях на Украине.

В этой среде велись разговоры на всевозможные темы, связанные с еврейской иммиграцией и борьбой арабов. Обсуждали бунт Жаботинского⁸, сражение при Тель-Хай на севере Палестины и гибель в нем еврейского офицера Иосифа Трумпельдора⁹, восстание в Яфе¹⁰, вооруженные столкновения между евреями и арабами в Иерусалиме после того, как Жаботинский посетил Стену плача в Старом городе Иерусалима... Эти беседы часто

- 8** Владимир (Зеев) Жаботинский (1880–1940) – идеолог «ревизионистского» сионизма. Был в оппозиции к левым сионистам, которые в середине XX века доминировали в сионистском движении. Идеологически наследниками Жаботинского является израильская партия Ликуд.
- 9** Бой при Тель-Хай произошел в 1920 году. Ветеран Первой мировой войны Иосиф Трумпельдор (1880–1920) погиб, защищая Тель-Хай от нападения арабов; посмертно он стал героем для сионистского движения. В честь него названа молодежная правосионистская организация «Бейтар» (Союз Иосифа Трумпельдора), которую основал Жаботинский.
- 10** Столкновения 1920 года между арабами и евреями в Яфе продолжались с 1-го по 7 мая. В них погибли 47 евреев и 48 арабов. Причиной послужило недовольство палестинцев еврейской иммиграцией и британским правлением.

касались идеологических вопросов. Нам их переводили некоторые иммигранты, владевшие разговорным арабским. Так мы узнали, что социализм стремится к власти, опирающейся на советы представителей, а анархизм не признает никаких форм власти и стремится к самоуправлению через профсоюзы. Также выяснилось, что большевизм (арабы тогда еще не использовали термина «коммунизм») установил в России социалистическое правление с помощью переворота¹¹ и Красной армии.

Нам все эти разговоры были мало понятны. Они были далеки от наших местных проблем. По-настоящему нас интересовали и волновали неясное пугающее будущее [нашего региона], английская оккупация, «декларация Бальфура»¹². От наших отцов мы слышали, что англичане и французы пришли как освободители, что Лоуренс [Аравийский]¹³ – друг арабов, что восстание Хусейна ибн Али стремилось объединить арабов и создать для них государство¹⁴… Нас привлекали лозунги, написанные на уличных стенах, вроде «Да здравствует независимость!», «Долой колониализм!», «Долой декларацию Бальфура!», «Полная независимость или смерть!».

В такой атмосфере мы и росли… Полчища колониалистов и сионистов вторглись в Палестину, иностранные идеи проникали в наши нежные умы. Мы были готовы слушать что угодно и принять любое предложение, способное положить конец кошмару новой оккупации, последовавшей за турецким правлением.

В кафе «аль-Буста» [«Почта»] я познакомился с группой молодых иммигрантов, прибывших из России. Они принадлежали к «Фракции» и Партии рабочих Палестины¹⁵ и принялись вести пропаганду среди нас. В ней было несколько лейтмотивов.

Во-первых, английский колониализм является врагом как арабов, так и евреев, а его политика строится на принципе «разделяй и властвуй».

Во-вторых, еврейская иммиграция состоит из богатых буржуа и нищих рабочих… А сионизм – это буржуазное движение, пользу из которого извлекают лишь богатые евреи. Что

МУХАММАД НАДЖАТИ
СИДКИ
ВОСПОМИНАНИЯ

11 Возможен перевод «революция».

12 Декларация главы британского МИД Артура Бальфура, обещавшая евреям «национальный очаг» в Палестине (1917).

13 Томас Эдвард Лоуренс (1888–1935) – британский востоковед и разведчик. В годы Первой мировой сыграл большую роль в организации арабского восстания (с 1916 года) против Османской империи.

14 В 1916 году правитель Мекки Хусейн ибн Али при поддержке Антанты восстал против Османской империи. Великобритания обещала ему независимое арабское государство в Леванте и Ираке. После войны Лондон и Париж поделили эти территории между собой. В июле 1920 года французская армия уничтожила Сирийское королевство, которое пытался создать в Леванте один из сыновей Хусейна, Фейсал. В 1921 году британцы предложили Фейсалу трон мандатного Ирака.

15 «Фракция» хотела сотрудничать с арабами на основе классовой солидарности. Партия рабочих Палестины – одно из ранних названий Палестинской компартии; его использовали в 1924 году (Косач Г.Г. *Красный флаг над Ближним Востоком? Компартии Египта, Палестины, Сирии и Ливана в 20-30-е годы*. М., 2001. С. 189–190).

же до еврейских рабочих, то их интерес заключается в построении социалистического государства, так что рано или поздно они начнут избавляться от своих господ.

В-третьих, арабская «эфендия» – это оппортунисты, которые сотрудничают с колониализмом, и хорошего от них не дождешься.

В-четвертых, Партия рабочих основана для всех жителей Палестины и сможет примирить интересы рабочих масс обоих народов и полностью решить палестинскую проблему.

Это были новые и удивительные идеи, требовавшие глубокого осмысливания... Пропаганда иммигрантов привела нас в их клуб, расположенный за Германским госпиталем в Иерусалиме. Там нам рассказывали об аресте их коллег в Египте и смерти одного из них, ливанского араба, в тюрьме от голода. Они также раздавали газету «аль-Инсаний»¹⁶ [«Гуманизм»], которую издавал в Бейруте Юсеф Язбек¹⁷. [...] Они же вручили нам небольшую брошюру на арабском об анархизме за авторством князя Кропоткина.

Встречи проходили то в клубе, то в лесу Шиллера, то среди скал ар-Ратзбун... И однажды, в конце 1924 года, когда мне было 19 лет, я услышал: «А не хочешь ли ты поехать в Москву, чтобы учиться там в университете? Платить за дорогу, образование и проживание не нужно».

Я тотчас без колебаний принял предложение. Мне сказали, что я должен быть готовым к путешествию в течение шести месяцев. Я принялся учить основы русского языка. Молодой парень, арабизированный русский, обучил меня русскому алфавиту и начальной лексике. В это время проходила [коммунистическая] молодежная конференция в Хайфе. Меня пригласили туда и избрали членом центрального комитета молодежи... Это было моим официальным вступлением в пролетариатское движение. После этого я стал посещать все секретные встречи и участвовал в пропаганде и распространении листовок.

Путь в Москву

Наступила дата моего отъезда в северную страну. Опасная авантюра, на которую решился молодой араб, бросавший свою родину, семью и работу ради учебы в незнакомой стране, о которой он ничего не знает. [...]

16 Первое печатное издание ливанских коммунистов выходило в 1925 году. Было закрыто французскими властями из-за того, что газета поддержала восстание в Сирии, начавшееся тогда же.

17 Один из основателей Ливанской компартии (в конце 1924 года), в 1925-м издавал ее газету «аль-Инсаний». Вскоре покинул партию, но продолжил сотрудничать с коммунистами и в 1930-х публиковался в их изданиях.

Я тайно сделал себе загранпаспорт и попросил отца позво-
лить мне провести неделю у родственников в Яфе во время
празднования праздника пророка Рубена¹⁸. Я поехал в Яфу, где
в порту стоял пароход «Чичерин». Там меня встретил один из
членов партии, раздобывший мне разрешение на въезд в Тур-
цию. Он отвел меня к пароходу со словами:

«Садись и сделай вид, что плывешь в Стамбул. Оказавшись на борту,
спроси «товарища Орлова». Он глава партийной ячейки на паро-
ходе. Он ждет тебя и знает, куда ты направляешься. Счастливого
пути».

Перед посадкой я вытащил записку отцу и попросил бро-
сить ее в почтовый ящик через три дня. Товарищ пообещал
сделать это. Послание было следующего содержания:

«Яфа, 16 сентября 1925 года,

Дорогой отец, когда ты получишь мое письмо, я буду в Среди-
земном море на пути в Москву, чтобы учиться там в университете.

Не волнуйся и не грусти... Путешествие проходит комфортно,
со мной хорошо обращаются. Я три года буду жить в русской сто-
лице, а потом вернусь к тебе с огромными познаниями в науке и
искусстве.

Не думай, что я уехал на Северный полюс... Нас разделяет лишь
десятидневная дорога... Что же до холода, который может быть
там, то я в качестве предосторожности взял твою плотную шинель.

Прошу тебя о прощении... Я буду непрерывно писать тебе из
Москвы.

Передавай привет своему послушному сыну.

Наджати».

[...] В Одессе я провел четыре дня, ожидая указаний из
Москвы. Так вышло, что в Одессе я оказался на народных гуля-
ниях. Погода была холодная, и я надел шинель, которую при-
вез из Иерусалима. На ней были погоны со знаком различия
и звездами. Публика в театре смотрел на меня с изумлением.
Когда я спросил, в чем дело, мне сказали:

«Ты парень молодой, а одет, как офицер!... А русская революция
упразднила погоны на военной форме, потому что их носили цар-
ские силы, и это отличало «белых» от «красных»... А тут появился
ты в погонах! Так что народ интересуется и удивляется».

После вечеринки я вернулся в «Болгарский дом», одолжил
ножницы и навсегда срезал погоны [...]

МУХАММАД НАДЖАТИ
СИДКИ
ВОСПОМИНАНИЯ

18 Один из важнейших народных праздников в Палестине до появления Дня Накбы. Отмечался летом в при-
брежной долине, в области между Яфой и Рамлой.

СТАЛИНСКИЙ КУТВ

В те дни университет восточных народов в Москве назывался КУТВ, то есть Коммунистический университет трудящихся Востока. [...] Понятие «трудящийся» включало в себя и рабочего, и служащего, и [любого другого] наемного работника, и крестьянина, и учителя, и всякого, кто работал в свободных профессиях.

Этот университет был основан в 1921 году, чтобы обучать студентов из числа жителей Узбекистана, Туркменистана, Кавказа, Армении, Таджикистана, Грузии и Монголии. А также восточных студентов из стран, которые сотрудничают с капиталистическим миром: жителей Китая, Японии, Индонезии, Индии, Индокитая, Турции, Ирана, Афганистана и различных арабских стран.

В университете была одна программа для советских студентов и другая – для студентов из тех восточных стран, которые оказались под иностранной властью или сотрудничали с [империалистами]. [...]

КУТВ состоял из одного факультета. Там изучали только темы, связанные с политикой, экономикой и обществом. То есть это был институт политических наук. Выпускник считался партийным либо профсоюзным лидером или администратором, чтобы он мог стать президентом страны, депутатом или министром либо в советских восточных республиках, либо в странах, борющихся за независимость. [...]

Помню, как на завтрак мы вставали в длинную очередь со стаканом в одной руке и куском черного хлеба в другой, а молодая русская девушка клала в стакан две ложки сахара и намазывала немного сливочного масла на хлеб... При этом администрация университета предоставляла нам питание лучше, чем в других русских институтах.

Завтрак обычно состоял из хлеба, масла, чая и кефира – это была народная пища из доступных продуктов. Обед состоял из супа, известного как «борщ». Это смесь капусты, свеклы, кусочка мяса и сметаны... Затем – «каша», белая и черная. Это своего рода зерно, похожее на булгур, которое варят на маленьком огне, пока не разварится. Подавали это обычно с подливкой, ломтиком несколько черствого мяса и стаканом «киселя», то есть фруктового пюре. Ужин состоял из стакана простокваша с ложкой сахара и русским салатом из нарезанных вареной картошки, вареного яйца, небольшого количества лука и петрушек с добавлением стакана чая (лучше нескольких стаканов).

Что касается одежды, то она походила на военную форму. [...]

У арабской секции был политический комитет, который наблюдал за общественными и личными делами студентов. Он следил за их убеждениями, политическими взглядами и поведением... Был также комитет искусства, созданный для демонст-

рации арабской культуры – песен и танцев на праздниках, в клубах, на университетских и публичных мероприятиях.

Политкомитет выделял день в конце года, известный как «день подведения итогов». Это такой день, принятый в советских институтах, когда студенты принимаются раскрывать недостатки друг друга и хвалят достоинства. Например:

«Азиз – хороший парень. Он любит своих товарищей – при всем своем эгоизме... Однако в своем общественном поведении он проявляет мелкобуржуазные наклонности... Вообразите себе: он стоит перед зеркалом полчаса и причесывается, пользуется одеколоном... много времени проводит, заигрывая с девушками... Подобное поведение Азиза не может не отражаться на его убеждениях, ведь капризы, унаследованные от буржуазного общества, помешают исполнять ему свои политические обязанности».

[...] В течение года студент также должен был заниматься «самокритикой». На каждой встрече секции или курса в университете студент вставал и критиковал себя или отвечал на критику, походившую на допрос, с готовностью признавал свои ошибки и капризы, обещал полностью придерживаться этических и моральных норм, которые проповедует новое общество.

Например, один палестинский студент из Яфы догадался взять с собой коврик для молитвы... Его поймали «на месте преступления» и выставили на суд «самокритики». Он долго спорил и доказывал, что ислам – это религия социализма, что молитва – это духовное упражнение, которое не мешает сбросить оковы и избавиться от капиталистов и колониалистов... Поскольку он был первокурсником, с ним обошлись не сурово. Одному из профессоров поручили прочитать ему лекцию об истории возникновения религий. [...]

МУХАММАД НАДЖАТИ

СИДКИ

ВОСПОМИНАНИЯ

ДИЛЕММЫ, СТОЯВШИЕ ПЕРЕД ПАРТИЕЙ

Во время моей ответственной работы в партии, с 1929 года и до ареста в 1931-м, партия столкнулась с пятью ключевыми вопросами. Это были: арабизация партии, восстание 1929 года, еврейская иммиграция, земельный вопрос и отношение к арабскому национальному движению.

Арабизация

Решение об арабизации пришло непосредственно из Коминтерна. Оно значило, что партия должна дать дорогу арабским членам и назначать их на чувствительные посты – начиная

с центрального комитета и далее до местных. При этом не требовалось, чтобы арабов в партии было большинство, а евреев меньшинство, лишь чтобы в руководстве баланс несколько сместился в пользу арабов... Дело в том, что европейские сторонники партии исчислялись десятью тысячами, а арабов едва ли насчитывалась тысяча.

Дело арабизации было непростым. Еврейские коммунисты отнеслись к этой идеи крайне настороженно, ведь они были убеждены, что еврейский коммунист сознательнее арабского в идеологических и организационных вопросах. [...]

Еврейское руководство партии пребывало в замешательстве из-за курса на арабизацию и не находило в себе достаточной смелости, чтобы открыть двери для арабских лидеров. Оно решило направить в Москву максимальное количество арабских членов партии и даже некоторых сторонников, чтобы они получили образование, вернулись в Палестину и занимали ключевые посты в партии – уже после того, как Коминтерн познакомится с ними, оценит их способности и внесет свой вклад в их подготовку. В соответствии с этим партия стала посыпать студенческие делегации [в СССР], составленные из представителей всех групп и слоев общества. Среди делегатов встречались и кузнец, и каменщик, и крестьянин, и служащий, и журналист, и коммивояжер.

У партии было устоявшееся руководство, состоящее из известных людей, таких как [Элияху] Тэпер¹⁹, [Иосиф] Барзилай²⁰... и [Давид] Лихтинский²¹. Они приняли надежные меры против ареста. Сменяемое руководство на уровне местных комитетов состояло из лиц, которые заняли важные посты вследствие вакуума, возникшего после ареста их предшественников. Аресты были следствием их работы и постоянного взаимодействия с массами в профсоюзах, руководства забастовками и демонстрациями. Из-за этого образовался «кризис руководства». Его обостряло то, что британские власти высыпали в СССР многих еврейских коммунистов, у которых было советское гражданство или русские свидетельства о рождении²². [...]

Несмотря на это, вопрос арабизации всерьез занимал партию. В 1931 году Коминтерн прислал комиссара по имени Мюл-

19 Элияху Тэпер – уроженец Вильнюса, один из основателей ПКП, в описываемый период был генеральным секретарем. В 1936 году его вызвали в Москву для разбирательства. По словам Сидки, товарищи считали, что Тэпера расстреляли, однако он выжил, но отошел от политики.

20 Иосиф Бергер-Барзилай (1904–1978) – родился в Кракове, журналист, которого Наджати Сидки описывал как «правую руку» Тэпера, ответственного за международные связи ПКП. В 1936 году его вызвали в Москву, обвинили в сотрудничестве с нацистами и отправили в концлагерь. В 1950-х был реабилитирован и покинул СССР.

21 Давид Лихтинский в 1930-х был членом ЦК ПКП, отвечал за Тель-Авив и Яфу.

22 Имеются в виду свидетельства о рождении, выданные государственными органами Российской империи до начала февраля 1917-го – и, по инерции, чуть позже.

лер, чтобы он проинспектировал, как идет арабизация... Я сказал ему в шутку: «В Москве имя партии сокращается до букв ВКП, то есть Всесоюзная коммунистическая партия, и к ним добавляется “б” в значении “большевистская”». Он сказал: «Да... И что?» Я ответил: «Мы сокращаем имя Палестинской коммунистической партии до букв ПКП... Как думаете, что если мы добавим “а”, то есть “арабизированная”?» Смеясь, он покачал головой: «А ведь буква “а” может значить “антисемитская”!».

В связи с этим я помню, как Мюллер чуть не попал в руки полиции в районе реки аль-Ауджа [Яркон] поблизости от Яфы. Мы с ним проводили встречу в безопасном уединенном месте и затем вместе пошли в сторону Яфы. Было нас порядка восьми человек. Мы шли по улице, пока к нам не приблизился водитель-еврей, узнавший некоторых наших спутников из числа еврейских коммунистов. Он сказал: «Не идите по этой дороге. Там отряд полиции, они сидят в засаде и наверняка хотят задержать вас».

Мы поблагодарили его и разошлись в разных направлениях, спасшись от поставленных на нас силков. Однако мы были в недоумении: кто же известил полицию об этой тайной встрече?! Был ли осведомитель среди нас?.. Подозрение пало на журналиста-араба из Иерусалима по имени Д.Ш., который присутствовал на встрече. Хотя нам не хватало доказательств, мы решили не доверять ему партийной работы.

Арабизация была ключевым вопросом, стоявшим перед партией на всех этапах и конференциях. В результате еврейские коммунисты признали товарищей-арабов на руководящих позициях. [...] Шла работа по созданию «федерации» в рамках одной партии, позволившая как реализовалась идею арабизации, так и сохранить партийный аппарат под руководством еврейских лидеров.

Восстание 1929 года

Восстание 24 августа 1929 года²³ глубоко потрясло партию и привело еврейских коммунистов в полное смятие. Среди них были те, кто защищал в спорах своих одноплеменников, были

²³ Крупнейшая на тот момент вспышка насилия между арабами и евреями. Беспорядки начались в Иерусалиме 23 августа 1929 года; поводом послужил конфликт из-за святынь в Старом городе, длившийся много месяцев. В течение недели кровавые столкновения произошли также в Яфе и Тель-Авиве, Хевроне и на севере страны. Жертвами стали многие евреи, не связанные с сионистским движением, а также арабы. Для палестинцев это первое большое восстание против британцев и сионизма, в израильской исторической памяти отпечатались в первую очередь расправы над иудеями, в особенности хевронский погром 24 августа. Поскольку еврейское ополчение «Хагана» (ивр. «Оборона») сумело защитить сионистские поселения, многих евреев в Палестине события августа 1929 года убедили, что только военная сила гарантирует им безопасность (СОНЕН Н. *Year Zero of the Arab-Israeli Conflict 1929*. Waltham, 2015).

МУХАММАД НАДЖАТИ
СИДКИ
ВОСПОМИНАНИЯ

такие, что предпочитали сохранять нейтралитет и держать дистанцию... Однако это привело к проблемам в партии между еврейскими и арабскими товарищами. Проходили шумные встречи, на которых обсуждались восстание и его последствия. Споры велись по поводу того, как определять сущность произошедшего: было ли это национальное восстание или же резня по конфессиональному признаку?..

В рядах партии произошел раскол. Некоторые еврейские коммунисты называли это резней. Были среди них и те, кто поддержал позицию ЦК, который описал это как национальное восстание, причиной которого были тираническое британское правление, а также приобретение земель [сионистским движением] и [намеренное] обеднение крестьян-арабов.

После ожесточенных споров было решено, что это национальное восстание и потому вспышки межконфессионального насилия вроде убийства шейха мечети в Яфе и его семьи или резня в школе Талмуда в Хевроне и иные эксцессы не столь важны, ведь без них не обходится ни одна революция. Часть еврейских членов подчинились этому решению, в то время как другие противились ему, покинули партию или были исключены до тех пор, пока не изменят своего мнения.

В то время я отвечал за работу партии в Хайфе и имел тесные связи с [местной] федерацией рабочих профсоюзов. Ею руководил ливанец из семьи Кулейлат – чиновник на железной дороге. Он открыл школу для борьбы с безграмотностью. В этом ему помогал молодой ливанец из семьи Фатхулла.

В Хайфе я тайно связался с шейхом мечети [аль-Истикляль] Изз ад-Дином аль-Кассамом²⁴. [...] Он рассказал мне о своей борьбе в Сирии против французов в 1920 году, как он с тех пор был в бегах в Хайфе и боролся с англичанами в стране [Палестине], как его преследовали британские власти... В 1935 году, находясь в Париже, я узнал, что аль-Кассам с четырьмя спутниками был убит поблизости от Дженина.

Я был в Хайфе, когда началось восстание. Так случилось, что я отравился едой, которую съел на Рыбной площади, началась диарея, и меня отправили в правительственный госпиталь. Там я провел десять дней, пока не выздоровел. Стоило мне покинуть больницу, как от меня потребовали приехать в Иерусалим, чтобы присоединиться к ЦК. Я надел шляпу для конспирации и занял место в полупустом вагоне. Когда поезд остановился на станции Лод, я выглянул из окна и увидел, как к месту, где я сидел, приближаются два молодых араба с ножами. Они ждали

24 Изз ад-Дин аль-Кассам (ум. 1935) – радикальный проповедник, уроженец Сирии. В 1930-х стал заметной фигурой в Хайфе, призывая к джихаду против британцев и сионистов. Убит британцами в 1935 году. В Хайфе вдохновил радикалов, убивавших палестинцев, которые сотрудничали с Лондоном и сионистским движением. В честь аль-Кассама названо вооруженное крыло ХАМАС.

отправления поезда, чтобы напасть на меня. Я рассмеялся и сказал им: «Я араб, как и вы». Они убрали ножи в карманы и сказали мне: «Снимай эту шляпу с головы и убирайся».

Поезд прибыл в Иерусалим в девять вечера. Станция тонула во мраке, на улицах не было людей. То здесь то там раздавались выстрелы. Я взял единственную машину, стоявшую на площади, чтобы меня отвезли в дом коллеги по работе на почте (до моего путешествия в Москву в 1925 году) по имени Кустанди Руфа. Он проживал в Греческой колонии, недалеко от вокзала. Я постучался. Он с большой настороженностьюглянул из окошка, увидел меня на свету и скрылся. После продолжительного времени он вновь объявился и поприветствовал меня. Я оставался у него в гостях три дня. За это время я сумел связаться с товарищами в Иерусалиме и присоединиться к ним.

ЦК поручил Иосифу Барзилаю арендовать на свое имя дом в Бейт-Сафафа, принадлежащий арабскому земледельцу. Я переехал туда. Поселившись там, я помог составить доклад Коминтерну о восстании 1929 года и сформулировать позицию партии по этому вопросу.

Однако случилось так, что владелец дома посоветовал Барзилаю выехать, чтобы ни у самого хозяина, ни у гостей не было неприятностей. Он помог Барзилаю погрузить мебель и на грузовике сопроводил его с пистолетом в руке в еврейский район Тель-Буут, расположенный к востоку от района Верхняя Бакъа, после чего заявил ему: «Я выполнил свои обязательства по отношению к тебе [как своему гостю]. Ступай своей дорогой, и если я еще раз тебя увижу, то убью!»

Восстание 1929 года поставило партию перед очевидными фактами и открыло двери для новых поколений арабов как в партии, так и сочувствующих. Коммунисты проявили себя как организованная и эффективная сила, обладавшая влиянием и позициями как среди арабов, так и среди евреев.

Что касается нового штаба партии, то он переехал в дом, утопающий в соснах, в западной части Верхней Бакъа. Он принадлежал Джамилю Шакеру аль-Хусейни, который сдавал его Иосифу Барзилаю как журналисту.

Еврейская иммиграция

Проблема еврейской иммиграции занимал партию. Не раз партии приходилось обсуждать ее и высказываться о ней в печати... Но какую же позицию надлежало занять по этому вопросу? Существовало несколько точек зрения по поводу дальнейшего курса.

МУХАММАД НАДЖАТИ
СИДКИ
ВОСПОМИНАНИЯ

Во-первых, прекратить еврейскую иммиграцию, поскольку экономическое положение страны не позволяет принимать новых жителей. Прибывающие конкурируют с еврейскими рабочими в промышленности и сельском хозяйстве. Вдобавок они вызывают неприязнь арабского населения, и это усиливает вражду к евреям в целом.

Во-вторых, поскольку остановить еврейскую иммиграцию, пока она остается опорой сионистского движения, невозможно, предпочтительнее требовать запрета нелегальной иммиграции. Также следовало требовать ограничения еврейской иммиграции самой по себе, поскольку этого требуют арабы – и таким образом соотнести позицию партии с позицией арабского национального движения [в Палестине] и добиться сотрудничества с этими силами по данному крайне важному политическому вопросу.

В-третьих, требование остановить еврейскую «буржуазную иммиграцию» и поощрять «рабочую иммиграцию» евреев, поскольку рабочие – это нерв социалистического движения. Их (рабочих-евреев) присутствие есть условие формирования сознательного пролетарского движения, которое гарантирует социальные изменения в Палестине.

Последняя точка зрения была близка к теории партии «Полей Цион», которая призывала сосредоточить как можно большее число еврейских рабочих в Палестине, потому что они являются наиболее сознательным авангардом научного социализма. Что же до арабов, то их можно интегрировать в еврейское социалистическое общество путем смешения и браков.

Партия же в итоге решила требовать остановки иммиграции в качестве «принципиального лозунга». В то же время ПКП выступала за введение ежегодной квоты до тех пор, пока не представится возможным прекратить ее, в качестве «практического лозунга». Это двойственная позиция позволяла удовлетворить арабов и успокоить евреев.

Земельный вопрос

В Палестине земельный вопрос не упирался в проблему феодализма, когда крупные землевладельцы владеют обширными участками, где работают крестьяне, подобные рабам, как было в России, Египте и Ираке.

Земельный вопрос в Палестине был связан с ограниченностью (пригодной к ведению сельского хозяйства) площади. Она делилась на три категории: участки немногочисленных землевладельцев (они разбивали там апельсиновые сады); земля

«мушаа», которой деревенские жители сообща пользовались на примитивно-кооперативной основе, и «эмирские» земли, часть из которых использовались для сельского хозяйства, а часть была под паром. Основная часть земли была поделена между мелкими собственниками из числа фермеров.

Когда евреи готовились к основанию собственного государства при поддержке [британского] мандата, для этого государства требовалась земля. Их лидеры решили основать два еврейских фонда для реализации планов по колонизации Палестины: Национальный фонд (Keren Kayemet), задачей которого был сбор еврейских средств, [...] и Фонд основания (Keren Hayesod), который скупал землю в Палестине и занимался развитием новых территорий. Эту землю нельзя было перепродать, поскольку она стала национальной собственностью еврейского народа. Это также предполагало, что на этой земле использовался труд исключительно евреев²⁵.

Фонд основания занимался скопкой земли с помощью брокеров, евреев и арабов. Зачастую этот процесс принимал трагический оборот, и тогда привлекались мандатные власти, включая суды. Из-за этого центральная тюрьма в Иерусалиме, лагерь в Атлите неподалеку от Хайфы и крепость Акко наполнились множеством «бунтшных» крестьян. Приговоры им выносили от десятилетнего заключения до пожизненного – и даже смертной казни.

Партия заняла единую позицию в земельном вопросе, призывая к работе против политики британских властей, которая делала ставку на обеднение арабских земледельцев, чтобы принудить их продать свою землю. Партия также призывала к борьбе с «коллаборантами» и землевладельцами из числа богатых крестьян и городского среднего класса, которые продавали землю еврейским фондам. [...]

Следствием такой позиции по земельному вопросу стало усиление сотрудничества партии с арабским национальным движением. В то же время партия воспользовалась этим, чтобы ускорить социальную и идеологическую борьбу.

МУХАММАД НАДЖАТИ
СИДКИ
ВОСПОМИНАНИЯ

Арабское национальное движение

Партия выработала определенную позицию по арабскому национальному движению. Она делила националистов на тех, кто борется с колониализмом и сионизмом, и на оппортунистов, готовых сотрудничать с оккупантами.

²⁵ Национальный фонд также активно скупал землю как у мелких собственников, так и у крупных землевладельцев. Обычно крестьян, живших на этой земле, вынуждали уехать. О работе этих фондов см.: СОНЕН Н. *Shadow Army: Palestinian Collaboration with Zionism, 1917–1948*. Berkeley, 2008.

Те, кто боролся, делились на две части. Во-первых, Исполнительный комитет, избранный на седьмом палестинском конгрессе 1928 года²⁶. Основу комитета составляли критически настроенные выходцы из буржуазии, носители арабской культуры, делавшие особый упор на исламскую взаимопомощь. Во-вторых, существовало левое национальное движение, тоже представлявшее средний класс, мелкую буржуазию, вставшую на путь борьбы; это тоже были носители арабской культуры, но скорее интернационалисты.

Партия сотрудничала с Исполнительным комитетом и поддерживала его в политических кампаниях против британского мандата и сионизма – и тесно сотрудничала с левыми борцами за независимость. [...] Дело в том, что последние тогда так и не объединились в какую-либо организацию. Что касается остальных арабских политических партий, которые существовали в Палестине, то у них не было народной поддержки. Это были оппортунисты, не заслуживающие внимания.

Хамди аль-Хусейни

Этот национальный лидер все больше интересовался партией, ведь он был выходцем из верхов, который присоединился к всемирному пролетарскому освободительному движению и выступал против нацизма и фашизма.

Хамди (Абу Фейсал) аль-Хусейни²⁷ принадлежал к семье, известной в Газе. Ее члены были политическими лидерами, журналистами, судьями и муниципальными администраторами... Одним из выдающихся членов семьи был мученик шейх Мухи ад-Дин аль-Хусейни, которого турки казнили в годы Первой мировой войны.

Хамди родился в Газе в 1897 году. С молодости он был предан национальному делу Палестины. Турецкие власти арестовали его в 1917-м и отправили в ссылку в Конью, в Анатолии... После войны он вернулся в Газу, чтобы продолжить борьбу за независимость против новых правителей. К 1930 году, когда мы с ним познакомились, он рассматривал Коммунистическую партию как силу, на которую могло опереться его течение в национальном движении. Партия же видела в его демокра-

- 26** Палестинские конгрессы начали собираться вскоре после распада Османской империи (1918). Сначала они требовали независимости в составе Сирии, а в 1920-х стали требовать независимости Палестины в границах британского мандата. При этом часть палестинской интелигенции считала, что и от границ проведенных европейцами, следует отказаться в пользу арабского единства (хотя бы с Сирией, Ливаном и Иорданией).
- 27** Хамди аль-Хусейни (1897–1988) – палестинский журналист и писатель из Газы. В годы Первой мировой был близок к арабской оппозиции, за что был сослан; впоследствии критиковал британское, а затем и израильское правление.

тическом движении отличную возможность установить связи с палестинскими националистическими кругами.

В 1931 году Хамди аль-Хусейни основал Антиколониальную лигу. Это была первая националистическая группа, у которой были реформистские взгляды на общество, основанные на теоретической базе, какой не было у других течений национального движения в то время.

Тогда же Хамди аль-Хусейни был приглашен участвовать в антиколониальной конференции, проходившей в Париже. Затем он отправился в Москву, где его принимал Сталин в Кремле. Советский вождь хотел проверить Хамди и, приглашая его сесть, сказал: «До тебя в этом кресле сидел король Афганистана Аманулла-хан!». Хамди немедленно ответил: «То, что в этом кресле сидел король Афганистана, не делает мне никакой чести». Сталин понял левый настрой Хамди и начал обсуждать проблемы Востока и колониализма. Он сосредоточился на «подкупе», говоря, что это опаснейшее явление в национальном движении, имея в виду методы, коими колонизаторы покупали совесть политических лидеров, чтобы использовать их в своих интересах.

Хамди вернулся из Москвы и приложил руку к основанию палестинской Арабской партии независимости в 1932-м... В том году Аджадж Нувэйхид начал издавать журнал «Арабы» в Иерусалиме – печатный орган Партии независимости. Хамди публиковал там патриотические статьи, подписываясь «арабский исследователь». Он также побудил меня опубликоваться в этом журнале. Темой моей статьи была классовая борьба в сионистских и несионистских партиях. Когда в 1948 года разразилась Накба, Хамди проживал в Газе, находившейся под властью египетской военной администрации²⁸. Затем он с семьей переехал в Каир, где оставался продолжительное время, после чего вернулся в Газу после войны 1967 года и жил там при израильском правлении... В 1973-м ему представилась возможность провести лето в Ливане в сопровождении дочери.

Хамди аль-Хусейни последовательно придерживался ясной патриотической линии, не вел переговоров, не заключал перемирий, не сходил с этого пути и не соглашался ни на какие официальные должности ни при британском правлении, ни при египетской военной администрации, ни при израильской власти.

Среди того, что он сказал тогда летом в Ливане, было: «Мы продолжим бороться за независимость Палестины, какой бы ни была цена и какими бы ни были результаты». [...]

МУХАММАД НАДЖАТИ

СИДКИ

ВОСПОМИНАНИЯ

Работа в Дамаске

[...]По распоряжению партии] я отправился в Дамаск. Там я временно поселился в доме Халеда Багдаша²⁹ в курдском районе, а затем арендовал на улице аль-Хальбуни меблированную комнату, принадлежавшую овдовевшей армянке. Она была известна как мадам Зохраб и жила за счет аренды жилья приезжим студентам. Что касается отделения партии, то оно первоначально располагалось в ветхом доме в одном из районов старого Дамаска. Неподалеку протекала вода из источника аль-Фиджа, а в центре двора был фонтан. Дом служил своего рода клубом для товарищей, куда они приходили после работы или учебы.

Затем штаб-квартира переехала в дом современной постройки, около парламента в Салихии. Это было под стать публичному статусу Сирийской компартии в период [правительства] Народного фронта во Франции. В Сирии тогда правила национальное правительство – в соответствии с сирийско-французским соглашением октября 1936 года³⁰.

Когда я обустроился в Дамаске, первым делом Халед повел меня в [правительственный] дворец для встречи с Шукри аль-Куватли³¹, лидером «Национального блока» и министром финансов. Халед подал меня так: «Я хотел бы представить вам нашего товарища Наджати Сидки, он же товарищ Саади. Писатель, журналист, недавно побывавший в Мадриде в самом пекле гражданской войны. И вот теперь он в Дамаске, чтобы мы вместе работали на благо родины». Аль-Куватли ответил: «Добро пожаловать. Надеюсь, ваш опыт будет нам полезен. А ты, Халед, должен позаботиться о нем».

В тот же день Халед отвел меня к министру экономики Файзу аль-Хури и, представляя меня, сказал: «Представляю вам, го-

- 29** Халед Багдаш (1912–1995) – сирийский политик курдского происхождения, вступивший в Сиро-ливанскую компартию в 1930 году. В 1932-м он обвинил (вероятно, ложно) лидера партии в работе на французов и добился его исключения. В 1932–1936 годах Халед Багдаш учился в Москве и работал в аппарате Коминтерна. После возвращения возглавил Сиро-ливанскую компартию. Бакдаш считался сталинистом, жестко контролировал партию и был лоялен Москве. Из-за всего этого многие покинули партию в 1940-х, особенно после того, как партия вслед за Москвой поддержала план ООН по разделу Палестины (1947). На самых демократических выборах в истории Сирии (1954) Багдаш стал первым коммунистом, избравшимся в арабский парламент (от Дамаска). Ливанские коммунисты добились независимости от Багдаша в середине 1960-х. В Сирийской компартии также последовали расколы, но при режиме Хафеза Асада Халед Багдаш был депутатом парламента.
- 30** В 1936 году Франция на фоне массовых протестов и забастовок в Сирии согласилась на переговоры о независимости. Хотя соглашение было подписано, французский Сенат его так и не ратифицировал. Тем не менее лидеры движения за независимость сформировали правительство, а один из них, Хашем аль-Атаси, стал президентом. В 1939 году аль-Атаси ушел в отставку из-за отказа Парижа ратифицировать и исполнить договор. «Национальный блок» – коалиция политиков во главе движения за независимость.
- 31** Один из лидеров движения за независимость Сирии (1946), затем – президент в 1943–1949 и 1955–1958 годах.

сподин министр, нашего товарища Наджати Сидки, выпускника московского университета. Он редактировал газету “аш-Шарк аль-Араби” [“Арабский Восток”] в Париже, а теперь вернулся из охваченной гражданской войной Испании, чтобы посвятить себя сирийскому движению за независимость». Фаиз аль-Хури посмотрел на меня, и на его лице простило изумление. Затем он обратился к Халеду: «Приветствуя твоего товарища... даже если ему с нами будет тесновато... Мы работаем над простыми вопросами... Где мы, а где гражданская война в Испании!»

Затем мы навестили Лютфи аль-Хаффара, владельца газеты «аль-Иншаа» – печатного органа «Национального блока». Ее главным редактором был Рашид аль-Малюхи. После этого я познакомился с большинством людей, активных в политических, литературных и журналистских кругах Дамаска. Мы посещали их в их кабинетах или встречались в дамасских кафе. Мы обменивались мнениями о сирийско-французского договоре, сроках его действия и правительстве Народного фронта во Франции, его влиянии на арабский Восток и сражениях против британцев и сионистов в Палестине. Обсуждали и вторжение итальянских фашистов в Эфиопию, немецкий нацизм и вероятность новой мировой войны, чей огонь разжигали Гитлер и Муссолини, а также борьбу Сталина против оппозиции в Советском Союзе. По этим актуальным вопросам мнения разнились... Едины все были в поддержке независимости и освобождения от французского правления любыми возможными способами. Однако были и те, кто хотел такого избавления в результате мировой войны и нацистско-фашистского захвата арабского региона... «Арабский клуб» в Дамаске, большинство членов которого учились в Германии, проявляли заметный интерес к нацизму³². Сирийская националистическая партия видела в союзе с Италией Муссолини единственный путь к свободе и независимости³³.

Были и другие течения, призывающие к панарабизму, панисламизму, арабскому социализму и арабскому коммунизму. Их последователи выражали свои принципы и чувства двумя разными жестами в подражание двум всемирным движениям. Крайние правые вытягивали выпрямленную руку и поднимали ее на римский манер. Среди них были те, кто носил «Желез-

МУХАММАД НАДЖАТИ
СИДКИ
ВОСПОМИНАНИЯ

32 В «Арабском клубе», открывшемся в 1937 году, собирались панарабские националисты, которые симпатизировали нацистам (NORDBRUCH G. *Nazism in Syria and Lebanon. The Ambivalence of the German Option, 1933–1945*. London; New York, 2006. P. 64).

33 Сирийская националистическая партия появилась в 1932 году в Бейруте. Эта светская организация выступала за единство Леванта, ее члены использовали фашистскую символику. Пользовалась поддержкой в Ливане и Сирии (в меньшей степени – в Палестине и Иордании). В 1930-х партии обвиняли в работе на Рим, однако однозначных доказательств не нашли. В 1938 году основатель партии Антон Сааде посещал Рим и Берлин, но, по всей видимости, значительной поддержки не получил (YONKER C. *The Rise and Fall of Greater Syria. A Political History of the Syrian Social Nationalist Party*. Berlin; Boston, 2021. P. 99).

ные рубашки»³⁴, произведенные из местной ткани свинцового цвета, которая используется для пошивки народных кафтанов. Левые же сжимали кулак и поднимали руку вверх. Это символизировало единство – и [пролетарский] молот.

Спустя неделю моего пребывания в Дамаске Халед Багдаш известил меня, что ЦК партии решил поручить мне партийную организацию в Дамаске – под личным наблюдением Халеда. Дамаск был его политической базой, ведь для него это родной город, где он вырос. [...]

Партийная работа

Моя партийная деятельность в Дамаске была сосредоточена в сферах воспитания и печатной пропаганды. Что же до ответственной организационной работы, ее полностью сосредоточил в своих руках Халед. Руководство партией было полностью завязано на Халеде, которому было очень важно оставаться единоличным вождем в сталинском стиле. Это вполне соответствовало типичным для Востока любви к власти и вождизму...

Халед Багдаш внес «восточные корректизы» в некоторые партийные понятия. Во-первых, он заменил выражение «генеральный секретарь партии» на «глава партии», потому что это наименование было понятнее людям из народных слоев и вызывало больший отклик в душах. Во-вторых, он потребовал от членов партии вставать смирно, с почтением и уважением при его появлении в штаб-квартире, поскольку араб должен следовать патриархальным обычаям, то есть подчинению отцам и старейшинам. В-третьих, он потребовал от курдских членов держаться за свою национальность, учить курдский язык и разговаривать на нем в партии. Всякий раз, встречая их, он говорил им «Шаве»... то бишь «браво» на курдском.

Отношение Халеда ко мне колебалось между доверием и завистью. Доверие базировалось на моем большом научном и практическом опыте, а зависть – это инстинкт, над которым не властно ничего, кроме культуры в широчайшем понимании. Так что, например, если он раздражался на какой-то деловой встрече, а я был в другой комнате, он сердито кричал громким голосом: «Где ты Саади... товарищ Саади, иди сюда сейчас же!».

Так что товарищи понимали, что он высший руководитель, а я всего лишь его помощник. [...]

³⁴ «Железные рубашки» – молодежная организация, появившаяся в 1936 году. Она использовала многие элементы фашистской эстетики, включая похожие на муссолиниевские марши и «кримский салют». «Железные рубашки» были близки к «Национальному блоку» и охраняли его съезды (WATENPAUGH K. *Being Modern in the Middle East. Revolution, Nationalism, Colonialism, and the Arab Middle Class*. Princeton; Oxford, 2006. P. 256).

Постоянный ЦК партии, состоявший из Халеда Бақдаша, Фарадж аллы аль-Хелу и Николя Шауи, сместил центр деятельности партии в Бейрут. Этот город больше подходил для политической работы после начала волнений в Сирии, которые были вызваны французским нежеланием ратифицировать договор³⁵. Штаб-квартира газеты «Саут аш-Шааб» [«Глас народа»] разместилась через дорогу от здания Большого театра, в начале улицы аль-Маарад, где сейчас расположен Большой отель.

Что же касается меня, то я арендовал комнату у армянского товарища-цирюльника на одном из перекрестков улицы аль-Маарад. По утрам я появлялся в офисе партии, после полудня помогал редактировать ежедневный политico-критический раздел «Саут аш-Шааб», а также участвовал в работе ЦК партии. В этот период я познакомился с Раифом Хури – после его возвращения из Палестины, где он преподавал арабскую литературу в школе Сахион в Иерусалиме, а также с Омаром Фахури, директором управления по регистрации недвижимости в Бейруте; Кадри Кальаджи, Юсефом Язбеком и другими писателями из числа сторонников партии. Частенько мы также встречались в редакции еженедельной газеты «аль-Макшүф», принадлежавшей шейху Фуаду Хбейшу. Она располагалась на первом этаже того же здания, где находились бюро партии и администрация газеты «Саут аш-Шааб».

В мае 1938 года ЦК собрался в Бейруте и постановил направить благодарственную телеграмму ЦК Французской коммунистической партии. Послание содержало горячее приветствие по случаю праздника трудящихся, благодарность и признательность за то, что партия не жалеет благородных усилий, дабы добиться ратификации договоров с Сирией и Ливаном, а также иные выражения солидарности между братскими партиями... В телеграмме стояли следующие подписи: Халед Бақдаш, Фарадж алла аль-Хелу, Николя Шауи и Саади, то есть я.

Как только товарищи в Париже получили эту телеграмму и заметили мое имя, они немедленно отправили послание товарищам в Бейруте с выражением негодования из-за моей работы в партии³⁶. Они потребовали «заморозить» мое членство – то есть не исключать, но и не разрешать ничего делать.

Бақдаш подчинился французским коммунистам, и ко мне начали относиться враждебно. У меня начались финансовые трудности из-за того, что я лишился работы в «Саут аш-Шааб». Я пытался уйти на вольные хлеба в ливанской прессе и не сталкиваться с «товарищами».

35 См. сн. 30.

36 Из-за противоречий, которые возникли у Сидки с французскими коммунистами во время работы в Париже.

Как-то раз мне повстречался писатель и романист Тауфик Юсеф Авад, который тогда был главным редактором газеты «Ан-Нахар»³⁷. Я встретил его на Рыбной площади (сегодня это Площадь Рияда эс-Сольха), и он принял хвалить мой взгляд на арабское национальное движение. Он сказал: «Ты объяснил корни арабских проблем, сорвал покровы с материальных факторов этого вопроса и осветил аспекты, остававшиеся неясными... – Затем он добавил: – А чем ты занимаешься теперь?» Я ответил: «Ищу работу в сфере журналистики». Он сказал: «Ты аналитик-материалист – почему бы тебе не взять на себя экономический раздел в газете «Ан-Нахар»?».

Так и случилось... Я присоединился к семье «Ан-Нахар», принадлежавшей Джебрану Тузйни. Ее редакция располагалась тогда над рестораном «аль-Аджами», у входа на рынок Фахрибэя. Там были такие коллеги, как главный редактор Тауфик Юсеф Авад, редактор-секретарь Луи аль-Хадж, редактор отдела внешней политики Камель Мурувва, отвечавший за внутреннюю политику редактор Ханна Госн и я, редактор еженедельной экономической страницы. Затем я также стал выпускающим редактором журнала «аль-Джумхур», тогда располагавшегося в здании гостиницы «Савой» на Башенной площади³⁸. Издание принадлежало Мишелю Аби Шахла³⁹. [...]

Перевод с арабского и комментарии Максима Жабко

37 Одна из старейших и наиболее авторитетных газет Ливана, выходит с 1933 года.

38 Ныне Площадь мучеников – крупнейшая площадь в Бейруте.

39 Аби Шахла – влиятельная христианская семья банкиров и политиков.